

Предисловие

Большинство рассказов, вошедших в этот сборник, были опубликованы более десяти лет назад. В то время научная фантастика прозябала в Китае в весьма маргинальном положении. У этого жанра было мало читателей, и он не пользовался сколько-нибудь заметным интересом публики. В Китае научная фантастика воспринимается как нечто иностранное; ее фундаментальные элементы никогда не были частью китайской культуры. На протяжении долгой истории Китая жизнь текла стабильно, мало меняясь от поколения к поколению, поэтому люди подсознательно верят, что жизнь всегда будет такой, как сегодня. Исторически сложилось, что сам термин «будущее» употреблялся в основном в буддийских текстах, которые тоже пришли из других стран; люди редко думали о будущем или обращали на него внимание в своей повседневной жизни.

Но в последние годы ситуация кардинально изменилась. Китай вступил в процесс быстрой модернизации, и каждый день вокруг происходят ошеломляющие перемены. Будущее внезапно предстало перед нами в ярких деталях и обрело огромную притягательность. Древний Китай внезапно превратился в нацию с чрезвычайно острым чувством будущего. Неудивительно, что при таких обстоятельствах публика уделяет научной фантастике беспрецедентное внимание.

В Европе и США мне чаще всего задают вопрос: «Что делает китайскую научную фантастику китайской?» Со своей стороны я никогда сознательно не пытался подчеркнуто «китаизировать» свою научную фантастику. Рассказы, включенные в этот сборник, затрагивают множество научно-фантастических тем, имеющих одну общую черту: все, о чем говорится в книге — проблемы, кризисы, научные открытия и технические изобретения, — влияет на человечество в целом, и разбираться со всем этим народы должны вместе. Действительно, когда читаешь или создаешь научную фантастику, восприятие автоматически смещается от идей, связанных с этнической принадлежностью и нацией, к более высокой идее единого человечества; с этой точки зрения человечество естественным образом становится коллективной единицей, а не собранием различных частей, разделенных этнической принадлежностью и нацией. Это чувство все равно останется хоть у читателя, хоть у писателя, даже если в научно-фантастическом произведении излагается явно тривиальная, обыденная или индивидуальная история. Я считаю это одной из самых ценных черт жанра научной фантастики.

В Китае растет новое поколение, образ мышления которого кардинально меняется по сравнению с родителями и предками. Эти люди постепенно отворачивают взгляды от реальности своего непосредственного окружения и обыденности жизни и обращаются к далекому звездному небу и будущему. Они все больше и больше начинают ощущать себя членами человечества, а не просто китайцами. Они также начинают интересоваться теми важнейшими вопросами, над которыми редко задумывались их предки: откуда взялись люди и Вселенная, и что их ждет в дальнейшем. Это изменение в мышлении глубоко повлияет на будущее не только Китая, но даже всего человечества. Научно-фантастические рассказы из этой книги являются ярким отражением этого нового образа мышления.

Но тем не менее я китаец, и, намеренно или нет, этим рассказам неизбежно будет присущ сильный китайский колорит, слагающийся из культуры, истории и нынешней реальности Китая.

Создавая научную фантастику, я всегда изо всех сил стараюсь представить и описать отношения между Великим и Малым.

«Малое» в данном случае относится к человеческой малости. Как индивидуумы мы действительно малы, да и коллективно взятое человечество тоже мало. Представьте себе концерт, на котором присутствовало бы все человечество. Какое помещение ему понадобится? Не настолько большое, как я себе представил сначала — хватит места размером примерно с шанхайский район Пудун. А вот вам еще один извращенный мысленный эксперимент: если сделать из всего человечества фрикадельку, ее диаметр окажется меньше километра.

«Великое» относится, конечно, ко Вселенной. Каждому человеку присуще глубокое ощущение ее огромности. Самый далекий свет, который мы видим, был послан более десяти миллиардов лет назад. Если уменьшить Солнечную систему до размеров обеденной тарелки, диаметр соответственно уменьшившегося Млечного пути все равно составил бы сто тысяч километров.

В своей научной фантастике я ставлю перед собой непростую задачу: представить отношения между Маленькими людьми и Великой Вселенной — не в метафизическом философском смысле, но и не в психологическом, когда некто смотрит на звездное небо и испытывает такие чувства и пафос, что у него меняются взгляды на человеческую жизнь и Вселенную. Такие взаимоотношения между людьми и Вселенной — предмет не научной фантастики, а реализма. Я же, работая над научной фантастикой, стремлюсь представить прямую, осязаемую связь между людьми и Вселенной. В таком ракурсе эволюция и метаморфозы Вселенной неотделимы от человеческой жизни и человеческой судьбы.

Это очень трудная работа и самая большая из тех проблем, с которыми я сталкиваюсь, когда пишу научную фантастику. Здравый смысл подсказывает нам, что таких отношений не существует. Расширяется или сжимается Вселенная, превратилась ли в сверхновую звезда, находящаяся в десяти миллиардах световых лет от нас, — все это никак не связано с обыденными, незначительными событиями моей жизни. И все же я

твердо верю, что между человечеством и Вселенной существует взаимосвязь. Родившись, Вселенная была меньше атома, и все в ней было перемешано в единое целое; таким образом сложилась естественная связь между малыми частями Вселенной и ее великой целостностью. И хотя Вселенная расширилась до своих нынешних размеров, эта связь все еще существует, и если мы не способны увидеть ее сейчас, это не значит, что нам не удастся сделать этого в будущем. Я усердно стараюсь представить себе всевозможные варианты отношений между людьми и Вселенной и превратить свои представления в захватывающую фантастику. Часть результатов моих трудов содержится в этом сборнике, что должно быть понятно по его названию.

Спасибо вам всем!

СЕЛЬСКИЙ УЧИТЕЛЬ

*Впервые опубликован под названием 乡村教师
в журнале «Мир научной фантастики»
в Чэнду, 2000 г.*

Этот рассказ немного отличается от моих более ранних работ. Не стоит искать в нем очень уж глубокого содержания. Я стремился прежде всего создать настроение. Пусть начало рассказа не вводит вас в заблуждение — это не то, чем кажется. Конечно, не мне рассуждать о качестве собственного произведения, но уверен, что оно окажется одним из самых выразительных и неожиданных явлений научной фантастики современного Китая.

Лю Цысинь

Он знал, что следующий, завтрашний, урок станет для него последним.

Печень опять резануло болью, да так сильно, что он чуть не потерял сознание. У него не было сил на то, чтобы выбраться из постели; он смог лишь с огромными усилиями подтянуться к окошку над своим ложем, сквозь бумагу которого просвечивал лунный свет. Окошко казалось дверью в иной мир, где все сияет серебристым светом, напоминающим диораму, выстланную серебряным искусственным снегом, который не обжигает стужей. Он поднял дрожащую голову, посмотрел через дыру в бумаге, и фантазия о серебряном мире сразу рассеялась. Перед собой, вдалеке, он видел ту самую деревню, где провел всю жизнь.

Деревня безмятежно дремала в лунном свете и выглядела так, будто люди покинули ее уже добрую сотню лет назад. Домики с плоскими крышами были почти не видны из-за окружавших их груд земли. В лунном свете все цвета были приглушены, и казалось, будто деревня и вся округа растворяются в холмах, на которых расположены. Ясно виднелось лишь старое рожковое дерево, на корявых ветвях которого лепилось несколько черных вороньих гнезд, похожих на неопрятные пятна черной туши на серебряной бумаге.

В деревенской жизни есть свои периоды подъемов и затишья. К первым относится, например, сбор урожая. Молодые мужчины и женщины, толпами уезжавшие в поисках работы, возвращались на это время, наполняя деревню жизнью и веселым смехом. На крышах блестели кукурузные початки, дети кувыркались в кучах стеблей на гумне. Еще одним веселым событием был праздник весны, когда гумно освещали газовыми светильниками и украшали красными фонариками. Жители деревни собирались там, чтобы показать друг другу бумажные кораблики на счастье и станцевать танцы львов. Теперь от львов остались только грохочущие деревянные каркасы с полностью облезшими головами. У деревни не было денег, чтобы купить новые шлейфы для голов, поэтому в качестве тел львов использовались простыни, что кое-как сходило. Но как только праздник весны заканчивался, вся местная молодежь снова разъезжалась по дальним краям, где имелась работа, и деревня опять погружалась в оцепенение. Каждый день в сумерках, когда из труб домов поднимались тонкие струйки дыма, то один, то два пожилых жителя деревни с морщинистыми, как ядра грецких орехов, лицами стояли, глядя на дорогу, ведущую за горы, пока последний луч сумеречного света не зацеплялся за рожковое дерево, чтобы вскоре исчезнуть. Тогда деревенские выключали свет и рано ложились спать. Электричество стоило дорого — 1,8 юаня за киловатт-час.

Где-то в деревне негромко взлаивала и поскуливала собака: должно быть, во сне. Он смотрел через разодранную бумагу на желтую землю вокруг деревни, похожую в лунном свете на безмятежную водную гладь. О, если бы это и впрямь была вода... шел уже пятый подряд год засухи, и воду для полива приходилось таскать на поля ведрами. Он подумал о полях, и его взгляд переместился вдаль, туда, где на склонах гор приткнулись эти самые поля, в лунном свете походившие на следы прошедшего мимо великана. Крохотные, разбросанные тут и там клочки земли — на каменистой по-

чве этих горных мест росли только виноградники и кустарники. В этой местности очень трудно было использовать сельскохозяйственную технику — да что там, даже волю не справлялись со сплошными косогорами, так что обрабатывать землю приходилось исключительно вручную. В прошлом году заезжий представитель завода сельхозмашин предлагал мотоблок — нечто вроде маленького трактора, которым управляешь, держа его за две длинные ручки, но деревенские подумали и не стали его покупать. Много ли зерна вырастишь с этой машинкой? Возделывание земли здесь было кропотливой работой, сродни скорее шитью, нежели земледелию в обычном смысле этого слова; если урожая хватало семье на весь год, это считалось большим успехом. А в засушливые периоды, такие, как сейчас, урожай не окупал даже зерно для следующего посева. Трактор за 5000 юаней да дизельное топливо по два юаня за литр... приезжие просто не понимают, насколько трудно жить здесь, в горах.

Мимо окна прошли несколько небольших силуэтов. Они собрались в кружок на пригорке между двумя полями и заговорщицки пригнулись друг к другу. Он знал, что это его ученики — если они оказывались рядом, он мог определить их присутствие, даже не видя их. Эта интуиция развивалась у него всю жизнь и сейчас, на пороге кончины, сделалась особенно острой.

Он сумел даже узнать ребятишек в лунном свете. Прежде всего Лю Баочжу и Го Цуйхуа. Они были родом из этой деревни, и им вовсе не обязательно было жить в школе, но все же он поселил их здесь. Отец Лю Баочжу десять лет назад заплатил выкуп за невесту из Сычуаня, она приехала и родила Баочжу. Пять лет спустя, когда Баочжу немного подрос, отношения между супругами разладились, и жена сбежала обратно в Сычуань, прихватив все деньги семьи. После этого отец Баочжу сбился с пути. Он начал играть в азартные игры, совсем как старые деревенские холостяки, и вскоре потерял все, кроме четырех стен и кровати.

Потом он начал пить. Каждый вечер он продавал жареный сладкий картофель по восемьдесят фыней за килограмм и напивался на эти деньги до бесчувствия. Он озлился и колотил сына всякий раз, как только тот попадался под руку, а дважды в неделю и вовсе бил смертным боем. Однажды ночью, всего месяц назад, он чуть не забил своего сына до смерти шпажкой для жарки бататов. Трудно поверить, но Го Цуйхуа жилось еще хуже. Ее отец нашел себе невесту с солидными связями, что здесь большая редкость, и очень гордился этим. На этом все хорошее кончилось, и сразу после свадьбы стало очевидно, что мать Цуйхуа сумасшедшая. На свадьбе никто этого не заметил — скорее всего, ей тогда дали какое-то сильное успокоительное лекарство. Да и с какой стати женщина из уважаемых кругов стала бы смолоду хоронить себя в деревне, да еще такой, как эта, настолько бедной, что даже птицы брезгают гадить, пролетая над ней? Тем не менее Цуйхуа родилась и выросла, а ее матери становилось все хуже и хуже. Днем она нападала на людей с кухонными ножами, а ночью то и дело пыталась поджечь дом. Большую часть времени она смеялась неизвестно чему, издавая при этом жуткие, достойные упыря звуки, от которых у неосведомленного человека волосы встали бы дыбом.

Остальные дети были из других деревень, ближайшая из которых находилась, по меньшей мере, в тридцати ли¹ от горной дороги, так что им волей-неволей приходилось жить в школе. Так они и жили целую четверть, от каникул до каникул, в деревне, где не имелось никаких развлечений и удобств. Школьники привозили из дома постельные принадлежности и по мешку пшеницы или риса, из которых сами готовили себе еду на большой школьной плите. Зимними вечерами они собирались у плиты и смотрели, как в кастрюле пузырится и багровеет готовящееся зерно, а их

---

¹ Ли — традиционная китайская мера длины; в настоящее время равна 500 метрам (1640 футов).

лица освещало соломенно-оранжевое пламя. Это было самое умирительное зрелище, которое он когда-либо видел. Он заберет его с собой в следующий мир.

На пригорке, в кругу ребятишек, вспыхнули огоньки, похожие с этого расстояния на небесные звезды. Даже в эту лунную ночь они горели ярко. Дети жгли самодельные ритуальные бумажные деньги и благовония, и отсвет костерка окрашивал их лица в красный цвет на фоне серебристо-серой ночи. Это снова напомнило ему сцену у плиты. И тут же в памяти всплыл еще один эпизод. Он вел вечерний урок, и вдруг в школе погас свет — то ли проводка испортилась, то ли не смогли вовремя оплатить электричество (что бывало чаще). Он зажег свечу, чтобы осветить ею написанное на доске. «Видно?» — спросил он, и дети, как всегда, ответили: «Не очень». Действительно, в полумраке разобрать надписи было трудно, но так уж получилось, что и без того было пропущено много занятий, которые необходимо было наверстывать, так что без дополнительных вечерних уроков нельзя было обойтись. Он зажег вторую свечу. «Темно!» — кричали школьники, и он зажег третью свечу. Света все равно не хватало, и он отлично понимал это, но ученики успокоились. Они знали: учитель не зажжет больше ни одной свечи, как бы они ни кричали. Просто не может позволить себе этого. Он смотрел сверху вниз на их лица, освещенные неровным светом свечей, на лица детей, отрицающих темноту всеми фибрами своих душ.

Дети и свет огня, дети и свет огня. Перед его мысленным взором всегда дети и свет огня, всегда дети в ночи, при свете огня. Этот образ навеки впечатался в его сознание, невзирая даже на то, что он никогда не придавал ему особого значения.

Он знал, что дети жгут благовония и ритуальные деньги ради него, как делали много раз прежде, но на сей раз у него не было сил бранить их за суеверие. Он всю жизнь старался зажечь в детских сердцах пламя знаний и культуры, но от-